

Все, что роднит

Никто не желает ворошить прошлое, если оно затрагивает настоящее

ЭТУ ИСТОРИЮ никто не слышал, потому что ее никто не рассказывал. Она, как и многое, что просится на чистый лист, просто приснилась. И все бы ничего, привиделось и ладно: увидел – забыл. Но дело в деталях. До того правдиво, четко и последовательно выстроился сюжет, что у меня нет никаких сомнений в правдивости случившегося. Можно предположить, что это феномен человеческого мозга – фиксировать то, что рвется наружу из небытия, пытаться предостеречь, образумить, привести к примирению и согласию...

Май 1918 года. Небольшой уездный городок под Москвой бурлил, кипел, жарился от накала революционных страстей. События развивались стремительно. Не прошло и года с тех пор, как Николай Второй отрекся от престола, а уже от прежней жизни, казалось, не осталось и следа. Голод, неразбериха, смена властей и флагов. Хаос...

Художник Николай Арнольдович Володарский не находил себе места. Он, человек дворянских кровей, всегда придерживавшийся передовых взглядов на развитие России и выступавший за демократизацию общества, за отмену самодержавия, сегодня был растерян и подавлен. Разве о таком он мечтал? Это все что угодно, только не обновление! Это крах! Это конец России!

Успокаивало одно – семья успела перебраться во Францию. Он и сам давно бы переехал в Европу, если бы не картины – его детища, смысл всей жизни. Николай собирался каким-то образом переправить полотна за границу. Но сейчас это невозможно. Боже, за что? Он оставался в своем особняке, еще не конфискованном, но уже давно заброшенном и неухоженном.

В дверь постучали.
– Эй, буржуи, есть кто живой?
В дверь вломилась люда в грязной полувоенной форме. Комната сразу наполнилась запахом табака, спиртного и сырости.

– В чем дело? – Володарский очнулся от своих невеселых рассуждений.
– Я чрезвычайный уполномоченный Реввоенсовета Семин. Ваш дворец должен быть национализирован и отдан под казармы для размещения в нем отряда революционного народного ополчения.

– Как вас, Семин?
– Семин, Иван Семин, комиссар, член военсовета.
– Послушайте, Иван... Семин, я – художник. Здесь моя мастерская, здесь полно картин, поэтому вам сюда нельзя! Это понятно?

– Это мы будем решать, что можно, а что нельзя. Теперь наша власть! А все буржуи и капиталисты – вон из страны! Всех вас на свалку истории.

– Я – не капиталист и не буржуй! Я – художник!
– Да, какая разница, папаша! Как вас там?

– Володарский. Николай Арнольдович Володарский.
– Еврей?
– Художник!
– Значит, жидовская морда, по-хорошему не хочешь?

– Послушайте, я вовсе не против советской власти, я за порядок и процветание России!

– Хватит, попоцветали на нашем горбу.

Художник он. Что ты делал, когда мы пухли от голода? Что? Кисточкой махал? Ненавижу!

– Вы не правы, я всегда выступал за республиканское развитие общества, за отмену самодержавия...

– Запели! Вы – буржуи – теперь готовы на все, лишь бы выжить. А жить вам осталось немного! Ребята, этого холяу и прихлебателя, по закону военного времени, как оказавшего ярое сопротивление законной власти, расстрелять! Что стоите? Я сказал расстрелять!

– Как расстрелять? За что? – От неожиданности Николай не смог найти слов. Он стоял, смотрел на комиссара и молчал.

– Смотри, смотри, не просверлишь! Встретимся на том свете!

Через полчаса все было кончено. Тело художника наспех похоронили в приусадебном саду...

Июнь 1938 года. Иван Семин еле стоял на ногах. Уже третий день его избивали и заставляли подписать признание о том, что в 1918 году он, по заданию кайзеровской разведки, расстрелял известного русского художника Николая Арнольдовича Володарского, борца за свободу простого народа, картины которого теперь известны во всем мире. Тем самым Иван Алексеевич Семин не только лишил страну талантливого художника, но и сильно навредил престижу молодой Советской республики. Иван все отрицал. Нет, он действительно дал приказ расстрелять, но буржуи и капиталисты, а не известного художника. Семину повезло, его не расстреляли. Двадцать лет лагерей без права переписки.

Июль 1941 года. Иван Семин в составе штрафбата бежал вперед, на вражеские укрепления. Позади рота уничтожения, впереди старая усадьба, наводненная фашистами. «Гу-га!» – поднялась цепочка почти обезоруженных зеков. В ответ из окон, чердака и дверей понеслись автоматные и пулеметные очереди. «Это тот дом, где жил этот гад», – пронеслось в мозгу у Ивана, и он замертво упал в том саду, где когда-то был расстрелян художник.

Ноябрь 2010 года. Иван Семин давно искал могилу деда. Он хотел знать, как тот жил, что делал, как погиб. Все не хватало времени и возможностей. Его и называли в честь деда. И вот теперь, когда и он сам стал задумываться о вечных ценностях, удалось найти следы гибели деда. Тимофей Сорокин, ветеран войны, прошедший ее от начала и до конца, единственный, кто внятно и правдиво смог рассказать, а главное, показать место, где все случилось.

Пригород Москвы. Ухоженная усадьба-

музей какого-то художника. Первый снежок скрыл черноту и листву сада. Тимофею Ивановичу под девяносто. Здесь в составе штрафбата он с его дедом, Иваном Семиным, штурмовал усадьбу.

– От самого дома тогда почти ничего не осталось. – Ветеран сделал долгую паузу.

– А где он погиб?

– Фрицы вцепились в этот участок крепко. Видать, штаб был. – Продолжил Тимофей Иванович, будто не слыша Ивана. – Этот сад, яблони и вишни, которые тут росли – вот единственное укрытие. Сегодня тут ели да дубки. Их не было... Твой дед поднялся, увидел усадьбу, и мне показалось, а я рядом бежал, застыл на мгновение! Тут его немецкая пуля и скосила. Чего он остановился? Не пойму. Легкой мишенью стал. Я вот кидался от куста к кусту, выжил. И фашистов напором выбили.

– А его похоронили?

– Да-а-а... Тогда с этим не очень церемонились: где побыстрее, там и зарывали. Я сам копал могилу. Ему и еще десятку таких же бедолаг. Место было засажено деревьями и кустарниками. И только возле могилы какого-то художника было открытое пространство. Там и похоронили, в аккурат со старой могилой. Пойдем, поищем.

Иван и старик прошли в центр сада.
– Здесь, – ветеран склонил голову.

– Где, Тимофей Иванович?

– Вот гранитная плита с памятником. Это какой-то русский художник. В этой же оградке

лежит еще десяток штрафников-зеков.
– Но тут нет даже табличек! Это несправедливо! Они же воевали, погибли за Родину! Они тоже достойны. А им даже надгробной плиты не положили.

– Да уж. Никто не хочет ворошить прошлое, когда это затрагивает настоящее. Надеюсь, пришло время покаяния и примирения. Надеюсь. И знаешь, если не у тебя, так у твоих детей найдутся силы, чтобы поставить все на свои места...

– Все сделаю, чтобы здесь был памятник погибшим.

– Памятник есть. Художнику. Зато ты знаешь место и можешь придти сюда. Это уже хорошо. Они все погибли за Россию – вот что роднит их.

А земля всех примирила и успокоила. Там все равны: и художники, и зеки, и солдаты...

Иван подошел к гранитной плите и стряхнул снег. Обнажилась потерянная надпись: «Николай Арнольдович Володарский. 1861 – 1918 год»

АЛЕКСАНДР ШАРАПОВ

УТРАТА

Памяти товарища

28 ОКТЯБРЯ вечером за разбором очередной шахматной задачи внезапно остановилось сердце доменщика Бориса Тимофеевича КОБЫЛКОВА.

В субботнем номере «Магнитогорского рабочего» за 29 октября в рубрике «Шахматы» опубликовано семь правильных ответов на очередную шахматную задачу. «Логический комбинационный удар! Сыграно гениально!» – так оценил задание постоянный читатель В. Желваков. Это было последнее решение шахматных задач перворазрядника Бориса Кобылкова. Годы ранее, защищая спортивную честь доменного цеха, он играл против кандидата в мастера спорта, своего ровесника, заслуженно врача РСФСР, почетного гражданина Магнитогорска Рудольфа Гуна.

Родился Борис Тимофеевич 1 марта 1936 года в селе Царичанка Оренбургской области в крестьянской семье. После окончания семи классов сельской школы поехал к сестре в Магнитогорск доучиваться. В 1955 году поступил в Магнитогорский горно-металлургический институт на специальность «доменное производство». В шестидесятом молодого инженера направили в доменный цех Магнитогорского металлургического комбината. В том же году доменному цеху присвоили звание «Коллектив коммунистического труда». Решили построить цеховую турбазу в Абзакове на «Минутке». Бригады выезжали один-два раза в месяц на субботах по 70–90 человек. Борис Тимофеевич был отличным организатором и спортсменом. После активной работы организовывал общий стол, а затем соревнования по футболу, волейболу. Надо сказать, Кобылков отлично играл в волейбол и защищал спортивную честь цеха, занимая призовые места.

Борис Тимофеевич был горновым, помощником газовщика, газовщиком. Прошел все доменные печи, основательно изучил суть доменного процесса. Научился читать диаграммы контроля работы печи, пользоваться информацией. Коллектив доменной печи № 8 в 1972 году достиг небывалого производства чугуна, отработав значительно лучше, чем коллективы других печей. За год на печи было выплавлено более миллиона тонн чугуна. Затем Кобылков направили на крупнейшую в Европе доменную печь № 9, где осуществлялся переход с кислых окатышей, которые отрицательно влияли на стойкость домны, на офлюсованные. Состояние печи улучшилось, повысилась производительность с 7,5 тысячи тонн в сутки до девяти тысяч. Печь пошла ровно. Работал Кобылков старшим мастером блока 7-8 доменных печей, начальником смены. В 1987 году Борис Тимофеевич ушел на пенсию. По рекомендации администрации доменного цеха десять лет возглавлял турбазу.

Борис Тимофеевич был добрым, отзывчивым, гостеприимным. К нему часто приходили друзья. К этим встречам он тщательно готовился: варил, например, отменный борщ. Друзья устраивали шахматные баталии, решали задачи.

Светлая память о Борисе Тимофеевиче Кобылкове навсегда останется в сердцах доменщиков.

Ветераны доменного цеха

Прошлые поколения оставили нам не столько готовые решения вопросов, сколько сами вопросы. СЕНЕКА